

Кареев Николай Иванович

**История Западной Европы в
новое время**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н63

Н63 **Николай Иванович К.**
История Западной Европы в новое время: Том 4 / Кареев Николай Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 659 с.

ISBN 978-5-519-88389-4

ISBN 978-5-519-88389-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Основою этого тома „Исторіи Западной Европы въ новое время“, охватывающаго первыя три десятилѣтія XIX в., являются такъ же, какъ и основою первыхъ трехъ томовъ, университетскія чтенія. Мнѣ пріятно вспомнить, что первый курсъ, который я читалъ въ качествѣ сторонняго преподавателя въ Московскомъ университетѣ въ 1878—1879 гг., имѣлъ своимъ содержаніемъ какъ-разъ эпоху, разсматриваемую въ настоящемъ томѣ. Я сохранилъ въ послѣднемъ даже общій планъ и порядокъ главъ этого курса. Составляя непосредственное продолженіе первыхъ трехъ частей „Исторіи Западной Европы въ новое время“, издаваемый нынѣ томъ вмѣстѣ съ тѣмъ является первою частью „Исторіи Западной Европы въ XIX вѣкѣ“, которую авторъ предполагаетъ довести въ слѣдующемъ выпускѣ до 1871 г. Въ видѣ общаго историко-философскаго résumé первыхъ трехъ томовъ нами была издана особая книжка подъ названіемъ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, содержащая въ себѣ „основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ“ и служащая „введеніемъ въ исторію XIX вѣка“. Такое же résumé авторъ предполагаетъ сдѣлать и для двухъ томовъ, въ которыхъ будетъ изложена исторія первыхъ двухъ третей XIX столѣтія ¹⁾. При со-

¹⁾ Здѣсь имѣется въ виду изданный позже „Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка“ (1905), представляющій собою такое же résumé IV и V томовъ настоящаго труда, каковымъ по отношенію къ первымъ тремъ томамъ является „Философія культурной и соціальной исторіи Западной Европы въ новое время“.

ставленіи настоящаго тома мы держались общаго правила, положеннаго въ основу всего труда, именно дѣлать изложеніе тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе къ современности разсматриваемыя эпохи.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе этого тома вышло въ свѣтъ въ 1894 г. За годы, протекшіе съ того времени, историческая литература о XIX вѣкѣ сильно разрослась, и, насколько было возможно, въ новыхъ изданіяхъ настоящаго тома я отмѣчалъ новыя книги, а гдѣ нужно было, дѣлалъ и измѣненія въ текстѣ. Въ остальномъ мнѣ не приходилось прибѣгать къ крупнымъ передѣлкамъ.

За эти же годы мною были изданы V и VI томы „Исторіи Западной Европы“ (последній въ двухъ частяхъ) и два болѣе краткихъ руководства по исторіи XIX в. („Общій курсъ исторіи XIX в.“ и „Краткая исторія прошлаго столѣтія“), работа надъ которыми не разъ заставляла меня пересматривать настоящій томъ и PROVѣрять имѣющіяся въ немъ данныя. Въ общемъ, однако, измѣнять пришлось очень немного.

ВСТУПЛЕНИЕ.

I. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.

Значеніе французской революціи въ новѣйшей исторіи.—Общій взглядъ на исторію XVIII в.—Консервативная оппозиція въ XVIII в. и реакція въ XIX в.—Основные историческія движенія XIX в.—Дѣленіе исторіи XIX в. на періоды.—Общая историческая литература о XIX вѣкѣ.

Центральными событіями двухъ большихъ періодовъ, на которые можно раздѣлить исторію Западной Европы въ новое время, являются религіозная реформація XVI в. и революція въ концѣ XVIII столѣтія. Подобно тому, какъ реформація, подготовленіе которой началось еще въ XIV и XV вѣкахъ, открываетъ собою исторію XVI и XVII столѣтій, составляющихъ особый періодъ въ культурной и политической жизни Западной Европы по характеризующимъ ихъ явленіямъ религіозной реформаціи, вызванной ею католической реакціи и борьбы между католицизмомъ и протестантизмомъ,—такъ и революція, ближайшимъ образомъ подготовленная культурнымъ движеніемъ и социальными переměнами XVIII вѣка, имѣетъ значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи со всѣми политическими, социальными и національными движеніями, которыми такъ было богато только-что истекшее XIX столѣтіе. Подобно реформаціи, начавшейся въ Германіи и распространившейся отсюда на всю Западную Европу, и революція 1789 г., бывшая сначала, повидимому, чисто-мѣстнымъ событіемъ въ качествѣ политическаго и социальнаго переворота въ одной французской монархіи, приобрѣла весьма скоро универсальное значеніе и по своему вліянію на остальную Европу, и по той еще причинѣ, что сама революція эта была лишь однимъ изъ проявленій важнаго историческаго процесса, который совершался вообще въ культурной и социальной жизни романскихъ и германскихъ народовъ. И въ Германіи начала XVI в., и во Франціи конца XVIII столѣтія, лишь ранѣе, чѣмъ

въ другихъ странахъ Западной Европы, произошли событія, имѣвшія своими причинами культурныя и социальныя отношенія, которыя были болѣе или менѣе общими для всѣхъ странъ, гдѣ только существовали историческіе порядки католическаго и феодальнаго происхожденія. Если нѣмецкая реформація могла оказать вліяніе на другія страны католической культуры, то лишь потому, что послѣднія были сами подготовлены къ воспріятію этого вліянія существованіемъ въ нихъ тѣхъ же самыхъ отношеній, которыя вызвали реформаціонное движеніе въ самой Германіи, или, по крайней мѣрѣ, отношеній, имѣ аналогичныхъ. То же самое можно сказать и о французской революціи: ея вліяніе на Западную Европу обусловливается тѣмъ, что старые государственныя и общественныя порядки, противъ которыхъ направлено было французское историческое движеніе конца XVIII столѣтія, были общими почти для всѣхъ европейскихъ странъ, не говоря уже о космополитическомъ значеніи французской „философіи XVIII вѣка“. Вотъ почему и исторію французской революціи можно въ общемъ разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія, видя въ ней или внутренній французскій переворотъ, или событіе, значеніе котораго выходитъ за предѣлы одной французской исторіи. Въ послѣднемъ смыслѣ революція и была подвергнута историческому разсмотрѣнію въ двухъ извѣстныхъ трудахъ—*Зибелля* (*Geschichte der Revolutionszeit*) и *Сорея* (*L'Europe et la révolution française*¹⁾). Равнымъ образомъ, лишь имѣя въ виду общеевропейское значеніе французской революціи, *Файфсо*, авторъ „Исторіи Европы XIX вѣка“, начинаетъ свое изложеніе съ 20 апрѣля 1792 г., когда революціонная Франція объявила войну монархической Европѣ,—войну, имѣвшую громадное значеніе не только въ исторіи международныхъ отношеній, но и для внутренней исторіи большей части европейскихъ народовъ. Мы послѣдуемъ этому примѣру, предпославъ изложенію исторіи XIX вѣка краткій очеркъ непосредственнаго вліянія французской революціи на Европу въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка, по возможности, однако, въ соотвѣтствіи съ общимъ характеромъ нашего труда, сокративъ дипломатическую и военную стороны исторіи взаимныхъ отношеній между революціонной Франціей и вступившей съ нею въ борьбу Европой.

Исторія XVIII в. на западѣ Европы характеризуется двумя главными явленіями, а именно въ области политической и социальной—господствомъ королевскаго абсолютизма и аристократическихъ привилегій, соединеніе которыхъ и составляетъ самое существо „старого порядка“, разрушеннаго революціей, въ культурной же сферѣ—господствомъ рационалистической философіи „естественнаго права“, вра-

¹⁾ Оба они существуютъ въ русскомъ переводѣ. См. о второмъ въ ихъ ниже.

ждебной всѣмъ государственнымъ и общественнымъ отношеніямъ, изъ которыхъ складывался этотъ самый „старый порядокъ“. Нужно, однако, замѣтить, что послѣдній не только подвергался нападенію извнѣ во имя новыхъ культурныхъ и общественныхъ началъ, бывшихъ съ нимъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчьи, но и внутренне начиналъ разлагаться. Еще задолго до революціи политическій абсолютизмъ вступилъ въ борьбу съ социальными привилегіями,—одна изъ характерныхъ чертъ такъ называемаго „просвѣщеннаго абсолютизма“, — что вызвало противъ государственной власти довольно острую консервативную оппозицію со стороны представителей сословныхъ привилегій. Само крушеніе старой монархіи во Франціи объясняется совокупнымъ противъ нея дѣйствіемъ двухъ оппозицій—консервативной, отстаивавшей прежній социальный строй, и прогрессивной, стремившейся, наоборотъ, къ общественному переустройству. Побѣда революціи надъ „старымъ порядкомъ“ во Франціи свидѣтельствуетъ намъ не только о той силѣ, какую получили новыя идеи въ обществѣ, но и о томъ разстройствѣ, въ какомъ находилась вся исторически-сложившаяся система политическихъ и социальныхъ отношеній. Какимъ бы, однако, ни былъ исходъ начавшагося во Франціи переворота для внутренней жизни этой страны, побѣда революціонной Франціи надъ Европою, ополчившеюся на защиту своего стараго государственнаго и общественного строя, равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ намъ о внутреннемъ разложеніи этого строя и внѣ Франціи. Революція во Франціи и вызванная ею международная борьба только ускорили паденіе „старого порядка“ и въ другихъ государствахъ, гдѣ онъ и безъ того начиналъ уже разлагаться,—и въ то же время содѣйствовали пробужденію новыхъ общественныхъ силъ, стремленія которыхъ получили свою формулировку подъ вліяніемъ все той же французской „философіи XVIII вѣка“, подъ вліяніемъ все тѣхъ же „принциповъ 1789 г.“. Въ XVIII столѣтіи Франція только шла впереди другихъ континентальныхъ націй, но дорога, по которой почти все онѣ шли, была въ сущности одна и та же: это былъ историческій процессъ преобразованія старыхъ общественныхъ и государственныхъ формъ, созданныхъ феодализмомъ и развитіемъ абсолютной монархіи, въ новыя формы, которыя соответствовали бы стремленіямъ новыхъ социальныхъ классовъ и принципамъ новаго политическаго міросозерцанія. „Старый порядокъ“ держался на неравенствѣ и на несвободѣ: первое было остаткомъ средневѣковаго феодализма, вторая—результатомъ королевскаго абсолютизма новаго времени. Философія „естественнаго права“ была, наоборотъ, проповѣдью гражданскаго равенства и какъ индивидуальной, такъ и политической свободы. Противорѣчіе, существовавшее между фактическими отношеніями общества и государства и идеаль-

ными требованіями, предъявлявшимися обоимъ, съ особою силою ощущалось во Франціи, но то же самое представляла собою внутренняя жизнь и другихъ странъ. Въ 1789 г. французы перестроили свой общественный бытъ на началахъ гражданского равенства, отмѣнивъ всѣ сословныя различія, и сдѣлали опытъ основанія свободнаго государства, провозгласивъ принципы личной независимости и общественного участія въ государственной жизни. Французскіе „принципы 1789 г.“ сдѣлались, такъ сказать, основною программой всѣхъ политическихъ движеній XIX в., поскольку эти послѣдніе были направлены противъ „старого порядка“ въ смыслѣ именно соединенія политическаго абсолютизма съ социальными привилегіями.

Перестройка общества на новыхъ началахъ встрѣтила въ XVIII в. консервативную оппозицію со стороны тѣхъ социальныхъ классовъ, которымъ благоприятствовать „старый порядокъ“. Когда королевская власть начала порывать свою солидарность съ сословными привилегіями,—что и было одною изъ сторонъ „просвѣщеннаго абсолютизма“,—на защиту стараго общественного строя выступили—гдѣ и какъ могли—аристократическіе элементы общества; преобразовательная дѣятельность монархическихъ правительствъ второй половины XVIII в. должна была считаться съ сильною консервативною оппозиціею, и тѣ самые общественные элементы, которые въ социальномъ быту противились реформамъ, предпринимаемымъ представителями абсолютной монархіи наканунѣ революціи, приняли и наиболѣе дѣятельное участіе въ борьбѣ съ этою послѣднею. Побѣда революціи во Франціи и побѣда Франціи въ Европѣ были пораженіемъ прежде всего для представителей средневѣковаго католико-феодальнаго строя общества, такъ какъ для нихъ одинаково были ненавистны и „просвѣщенный абсолютизмъ“ XVIII в., и французская революція, а позднѣе и наполеоновская имперія, сохранившая социальные пріобрѣтенія революціи и даже распространившая ихъ на новыя страны. Когда императорская Франція сама потерпѣла пораженіе въ борьбѣ съ соединенною Европою, общественные элементы, находившіеся въ открытой враждѣ съ новыми началами жизни, немедленно перешли въ наступленіе и предприняли одну изъ наиболѣе жестокихъ въ новой исторіи реакцій. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою какъ бы повтореніе того, что уже было въ XVI в., когда за возникновеніемъ реформаціоннаго движенія, спустя нѣкоторое время, послѣдовала католическая реакція, и подобно тому, какъ въ извѣстный періодъ новой исторіи весь ея интересъ сосредоточивается на борьбѣ протестантизма и католицизма, такъ и теперь на первый планъ выступаетъ интересъ борьбы между тѣмъ, что получило въ эту эпоху названіе либерализма, и тѣмъ, чему мы даемъ имя реакціи. И консервативная оппозиція противъ обществен-

ныхъ реформъ, замышлявшихся и предпринимавшихся въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма, и реакція противъ всего, что было сдѣлано французской революціей и что было сохранено или получило дальнѣйшее распространеніе, благодаря имперіи Наполеона I, представляютъ собою въ сущности одно и то же явленіе—явленіе защиты обладателями социальныхъ привилегій своего традиціоннаго положенія въ обществѣ. Въ числѣ факторовъ, подрывавшихъ старый социальный строй, были въ XVIII в. сама государственная власть и новыя культурныя и общественныя идеи, т.-е. абсолютизмъ и „просвѣщеніе“ вѣка. Французская революція произвела весьма существенное измѣненіе въ тогдашнихъ, довольно натянутыхъ отношеніяхъ между государственною властью и привилегированными сословіями. Переворотъ, который былъ направленъ одинаково противъ обѣихъ сторонъ „старого порядка“, т.-е. и противъ абсолютизма, и противъ привилегій, сблизилъ между собою, въ интересахъ защиты „старого порядка“, какъ политическихъ, такъ и социальныхъ его представителей. Консервативная оппозиція католико-феодалныхъ классовъ общества, имѣвшая въ XVIII в. противъ себя абсолютизмъ, превратилась въ началѣ XIX столѣтія въ католико-феодалную реакцію, наоборотъ, дѣлавшую теперь уже одно дѣло съ абсолютизмомъ, и такимъ образомъ послѣдній изъ „просвѣщеннаго“, какимъ онъ былъ передъ революціей, превратился послѣ паденія имперіи Наполеона I въ абсолютизмъ реакціонный. Въ серединѣ второго десятилѣтія XIX в. историческое движеніе, начавшееся въ предыдущемъ вѣкѣ, встрѣтилось не только съ социальной и политической реакціей, отчасти вышедшей изъ нѣдръ самого движенія, но и съ реакціей культурной—противъ того самого „просвѣщенія“, идеи котораго раздѣлялись въ XVIII вѣкѣ даже представителями старого порядка. Эта тройная реакція начала XIX вѣка, т.-е. реакція социальная, политическая и культурная, поставила своею задачею бороться противъ всѣхъ новыхъ началъ жизни и мысли во имя принциповъ „старого порядка“, и возникшая отсюда борьба шла одинаково и внутри отдѣльныхъ государствъ, и на болѣе широкой аренѣ международной политики. На одной сторонѣ стояло все, что такъ или иначе было продуктомъ измѣненій, совершившихся въ духовной и общественной жизни новой Европы, на другой—все, отжившее свое время, т.-е. и феодализмъ съ его сословными привилегіями и общественнымъ неравенствомъ, и католицизмъ съ его враждою къ духовной свободѣ и личному развитію, и абсолютизмъ, подавлявшій всякое самостоятельное и независимое проявленіе общественныхъ силъ и ставившій своею задачею охрану культурнаго и социальнаго status quo. Весь вопросъ былъ въ томъ, должна ли была Западная Европа и далѣе идти по дорогѣ, пройденная часть которой отмѣчена

такими движеніями, какъ гуманизмъ, реформація, просвѣщеніе и революція, или же должна была остановиться и пребывать на всѣ будущія времена въ томъ состояніи, которое было результатомъ сочетанія феодализма, католической реакціи и сословно-вѣроисповѣднаго абсолютизма. Исторія XIX вѣка рѣшила этотъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, несмотря на частныя побѣды, которыя не разъ въ теченіе ста лѣтъ одерживала культурная, социальная и политическая реакція представителей „старого порядка“. Въ этой борьбѣ между отживавшими традиціями и освободительными завѣтами XVIII в. и заключается одна изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ сторонъ исторіи прошлаго вѣка.

Съ политической и культурною реакціей противъ новыхъ началъ духовной и общественной жизни вступило въ борьбу направленіе, получившее въ началѣ XIX столѣтія названіе либерализма. Основнымъ принципомъ этого направленія явилась идея свободы и притомъ въ смыслѣ свободы не только политической, что должно было отразиться на стремленіи къ извѣстнаго рода государственному устройству, но и свободы индивидуальной какъ по отношенію къ государственной власти, такъ и въ сферѣ духовной жизни, въ дѣлахъ религіозной вѣры и философскаго и научнаго изслѣдованія. Либерализмъ явился лишь продолженіемъ тѣхъ духовныхъ стремленій, которыя въ предыдущіе вѣка выразились въ гуманизмѣ, въ передовомъ протестантизмѣ и въ „просвѣщеніи“ XVIII в., и тѣхъ политическихъ движеній во имя свободы, коими такъ богата была исторія Западной Европы со второй половины среднихъ вѣковъ. Культурная и политическая борьба либерализма съ реакціей имѣла и социальную сторону: въ то время, какъ представителями реакціи въ этой борьбѣ были духовенство и дворянство, именно въ качествѣ сословія, противъ которыхъ было направлено новое историческое движеніе, защиту либеральныхъ началъ взяла на себя буржуазія, бывшая и въ предыдущіе вѣка противницей аристократическихъ привилегій, выросшая къ концу XVIII столѣтія въ значительную социальную силу и одержавшая побѣду надъ „старымъ порядкомъ“ въ 1789 г. Съ принципиальной точки зрѣнія это была борьба сословныхъ привилегій съ безсословнымъ гражданствомъ, въ экономическомъ отношеніи она сводилась къ антагонизму между двумя различными имущественными классами—земле-владѣльцами и капиталистами, причемъ люди либеральныхъ профессій явились также сторонниками новаго историческаго движенія.

Борьбою реакціонной аристократіи и либеральной буржуазіи, однако, далеко еще не исчерпывается вся социальная исторія XIX вѣка. Въ 1789 г. старый общественный строй былъ низвергнутъ совокупнымъ дѣйствіемъ буржуазіи и народной массы, и на развалинахъ этого

строю возникло безусловное гражданство, основанное на принципѣ равенства всѣхъ передъ закономъ. Подобно тому, однако, какъ болѣе раннія политическія революціи, напр., чешская въ эпоху гусситства, нѣмецкая въ началѣ реформации, англійская въ серединѣ XVII в., сопровождались чисто-народными движеніями, совершенно такъ же, и даже въ болѣе еще степени, и великая французская революція всколыхнула народныя массы, сдѣлавшись для XIX в. исходнымъ пунктомъ всего повѣйшаго социальнаго движенія. Уничтоженіе сословности и юридическое уравниеніе всѣхъ гражданъ государства только обнажили, такъ сказать, чисто-экономическую основу общественныхъ классовъ, и въ безусловномъ гражданствѣ началось,—между прочимъ, конечно, и подъ влияніемъ перемѣнъ въ самомъ хозяйственномъ быту,—быстрое развитіе социальной противоположности буржуазіи и народа. Уже въ XVIII в. нѣкоторые публицисты начали ставить и теоретически рѣшать вопросъ, который въ XIX в. получилъ названіе социальнаго по преимуществу, и именно не въ смыслѣ устраненія юридическаго и политическаго неравенства, а въ смыслѣ радикальнаго переустройства самого экономического быта, остававшегося неприкосновеннымъ въ своихъ основахъ при замѣнѣ прежняго сословнаго строя новымъ безусловнымъ гражданствомъ. Въ XIX в. подъ влияніемъ общаго демократическаго характера французской революціи и въ зависимости отъ экономическихъ перемѣнъ, обострившихъ взаимныя отношенія имущихъ и неимущихъ классовъ, помимо политическаго движенія, выразившагося въ либерализмъ и чисто-политическомъ радикализмѣ, какъ его крайнемъ проявленіи, возникло совершенно особое историческое движеніе, получившее названіе социализма. Въ XIX в. социальный вопросъ не только началъ, какъ никогда раньше, усложнять вопросы политическаго характера, но и выдвинулся съ особою силою впередъ и къ концу столѣтія занялъ доминирующее положеніе. Повятое дѣло, что это должно было отразиться на самой культурной и политической исторіи XIX в.

Наконецъ, рядомъ съ движеніями политическимъ и социальнымъ въ XIX вѣкѣ весьма видную роль играетъ еще движеніе національное, которое равнымъ образомъ имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ революцію 1789 г. Последняя сама была для французовъ великимъ національнымъ дѣломъ и подѣйствовала возбуждающимъ образомъ на другіе народы: „принципы 1789 г.“ санкціонировали не только индивидуальное и общественное самоопредѣленіе, но и самоопредѣленіе національное; демократическая идея народовластія создавала изъ націй коллективную индивидуальность, имѣвшую право на свободу и независимость; наконецъ, и новые общественные порядки также пробуждали самосознаніе народныхъ массъ. Но особенно сильно содѣй-

ствовала этому процессу,—который въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ принималъ то прогрессивный, то реакціонный характеръ,—имперія Наполеона I, въ одно и то же время и революционизировавшая весь западно-европейскій континентъ, и подчинявшая его народы чужеземному игу. Съ одной стороны, поэтому, французское владычество надъ ними сопровождалось распространеніемъ и на нихъ многихъ началъ революціи 1789 г., содѣйствовавшихъ развитію въ нихъ національнаго самосознанія, съ другой же, затрагивая чувство національной независимости, оно вызывало ненависть ко всему иноземному и стремленіе къ культурному обособленію. И то, и другое было только началомъ цѣлаго ряда историческихъ явленій, осложнявшихъ вопросы культурной, социальной и политической жизни вопросами чисто-національнаго характера, которые, повторяемъ, рѣшались и въ либеральномъ, и въ реакціонномъ смыслѣ.

Съ точки зрѣнія основныхъ историческихъ движеній XIX вѣка, на которыя только-что было указано, мы можемъ раздѣлить его исторію на слѣдующіе періоды:

1. *Эпоха консульства и имперіи* (1800—1814), время внутренней политической реакціи во Франціи и распространенія внѣшняго могущества Франціи, сопровождавшагося крушеніемъ „старого порядка“ въ другихъ странахъ.

2. *Эпоха реставраціи* (1814—1830), характеризующаяся сильной реакціей „старого порядка“ и борьбы съ нимъ либерализма ¹⁾.

3. *Эпоха юльской монархіи* (1830—1848), когда буржуазія достигаетъ политическаго преобладанія, но зато впервые обостряется социальный вопросъ, начинающій играть особенно важную роль именно въ исторіи второй половины XIX вѣка. Особенно усиливается и національное движеніе, которому равнымъ образомъ суждено было играть видную роль въ исторіи второй половины столѣтія.

4. *Эпоха революціи 1848 г. и второй имперіи* ²⁾.

5. *Современная эпоха* съ паденія второй имперіи (1870) и объединенія Италіи и Германіи.

Какъ всякое дѣленіе исторіи на періоды, и это дѣленіе имѣетъ свои неудобства, но для цѣлей общаго построенія и изложенія исторіи XIX вѣка мы съ полнымъ правомъ можемъ держаться только-что отмѣченныхъ заголовковъ, выдвигая на первый планъ слѣдующія крупныя событія общеевропейскаго значенія, во многихъ отношеніяхъ довольно рѣзко отдѣляющія одну эпоху отъ другой, а именно:

¹⁾ Эти двѣ эпохи и рассмотрѣны въ настоящемъ томѣ „Исторіи Западной Европы“.

²⁾ Исторія юльской монархіи, революціи 1848 г. и второй имперіи изложена въ V томѣ, а послѣдняя эпоха (1870—1900) составляетъ содержаніе VI тома.